

Повседневный наблюдатель

Все было на них, на дворниках: и снег, и лист, и дождь, и подгулявшие жильцы. Своих вежливо доводили до места проживания, а чужих выпроваживали, и ровно в 12 закрывали ворота либо саму парадную на замок. Мимо Григория мыш не проскочит незамеченной, всех жильцов он знал в лицо и по имени-отчеству, отличал по социальному сословию и званию. А уж что касается чистоты во дворах и в подъездах, как утверждает современник, это было предметом особой профессиональной гордости самого дворника и престижа домохозяйки.

Брали в дворники в основном нехлипкого телосложения крестьян из близлежащих волостей – Псковской, Тверской, Новгородской... Женщин в дворники не брали по определению.

Наше послевоенное поколение «дюжего Григория» в глаза не видало, – мужчин было так мало, а тем более представить, чтобы победитель пошел работать дворником... Поэтому работали сплошь женщины. **Дворник моего детства – замечательная труженица. Звали её восточным именем – Гульсары. Но то, что имя переводится как «цветок пустыни», об этом мы узнали спустя много лет, прочитав Чингиза Айтматова.** Не было еще написано Чингизом ни его «Прощай, Гульсары!», ни «Тополек ты мой в красной косынке», а был огромный двор, периметр которого ограничивало несколько «двухэтажек», построенных пленными немцами.

Чуть подалеже стояли старые сараи, чудом не разобранные на дрова, а еще – огромный, чистый и сухой подвал, на котором было написано «Бомбоубежище». В бомбоубежище стояли в два ряда деревянные нары, не водилось ни крыс, ни мышей, ни комаров, а водились мы, детвора, правдами и неправдами проникавшие в класс гражданской обороны, чтобы примерить настоящий противогаз. Из этого подвала нас без конца гоняла Гульсары, наш дворник, которую мы звали просто Гуля.

Наверное, она была татаркой, а может, киргизкой. Не помню в точности. Мы тогда слова такого не знали: толерантность, просто не задумываясь о национальной принадлежности, любили и ценили человека по делам его. Гульсары любили все: и взрослые, и дети. Целый день она скребла и мыла, чистила и убирала, знала все и про всех: кто во сколько из школы должен прийти, кому на работу в первую смену, а кому – во вторую. В каморке рядом с бомбоубежищем у Гульсары подрастало четверо детишек, и она так смешно их выкидывала вечером с улицы: Каримкя-я! Фатимкя-я! В дворничьей каморке на самом деле всегда было хоть и тесно, но шумно, хламно и весело. Здесь всегда можно было пересидеть полчасика после школы, по делу получить подзатыльник и прибегать с порванной штаниной. Рамиля, старшая дочь Гули, или она сама, все зашьет и заштопает так, что даже мама не разглядит. А на праздники Гульсары варила вкуснейший чак-чак и пекла лепешки из ржаной муки, вкуснее которых я ничего в жизни не едала!..

Наша Гульсары была всем дворникам дворник! Мы гордились ею и предъявляли ее другим дворам как некий почетный диплом или медаль – вот, мол, только у нас есть такой замечательный работник!

Зимой из снега и воды наша затайница сооружала нам великолепную горку для катания на санках и ледовую трассу для коньков, летом по периметру всего двора колосились какие-то необыкновенные степ-

Когда-то «Дюжий Григорий», так великолепно описанный Глебом Успенским в его «Физиологии Петербурга», был далеко не последним лицом в этой самой физиологии, или, как бы мы сейчас сказали, «в сфере бытового обслуживания». Тот самый Григорий в любую погоду был на своем боевом посту – у ворот: то с лопатой, то с метлой, в белом халате и при бляхе. У тогдашних дворников были еще и номерные бляхи! Прямо как у городского – знак отличия и принадлежности к славному племени дворников имперского Санкт-Петербурга.

Прощай, Гульсары, цветок пустыни на снегу

Памятник дворнику

ные травы и цветы неприхотливые ноготки и бархатцы. А на праздники – 1 мая, 9 мая – выставлялся на улицу необъятных размеров казан, и Гульсары готовила хворост или чак-чак для всех детей нашего двора. Скорей всего (это я так по прошествии лет уже думаю), – наши родители как-то спонсировали эти общедворовые празднества, потому что не было у Гульсары ни копейки лишней за душой. Нищенская дворничья зарплата, куча детишек, где одни ботинки да штаны были как переходящее знамя, и никакого намека на мужа. То есть, он в теории где-то был, но никогда Гульсары о нем не говорила, а мы не спрашивали. Скорей всего, как и все мужчины того времени, сложил голову «на той единственной войне».

Был у гордости нашего двора, у нашего цветка степных прерий, только один недостаток. Удивительный для женщины по тем временам, и тем более татарки, но это факт – она иногда запивала. Не выпивала, а именно запивала. Всегда веселая и приветливая, как-то начинала вдруг грустнеть, появлялась в ее глазах нездешняя тоска, и даже мы, дети, понимали: грядет! Видимо, начинала ее давить та самая «невыносимая легкость бытия»... И неделю, а то и десять дней, в нашем дворе, в наших подъездах не мылось, не чистилось, не скреблось и не терлось, и все приходило в упадок. И все чувствовали себя сиротами. Кажется, сама жизнь

останавливалась! Все жильцы тускнели и как-то терялись на фоне этой разрухи. Правда, временной. Помойку, прикрывая Гульсары, все это время убирал хромой Степан, единственный человек, которому она доверяла свою лопату и метлу. А в остальном – все катилось куда-то в тартарары. И даже мы, дети, чувствовали какую-то всеобщую угнетенность и униженность от этой нечистоты и неразберихи. Но вот что удивительно! – никто при этом Гульсары ни в чем не упрекал. Потому что в один прекрасный для нас день она, как боевой конь, встряхивала головой, что-то у нее там в организме как ломалось, так и чинилось, и, обходя свои владения, она смешно вскрикивала: «Ай, какой бардак! Ай, непорядок, ай, какая я сиволочь без совести!» И с удвоенной, утроенной силой принималась этот порядок Гульсары восстанавливать.

Все ее Каримки и Фатимки помогали, да и мы пытались ей помочь в деле наведения порядка, но она нас гнала. Через день-другой-третий ручки дверей в подъездах блестели, полы сияли, двор был вылизан, как палуба эсминца, и по утрам нас будила эта сладкая музыка: утреннее поскребывание металла и шорканье метлы об асфальт... И нарушившийся был порядок, баланс добра и зла, восстановившись, разруха исчезала и сиротство наше оставалось в прошлом. До следующего раза, который мог прийти через полгода, а мог –

через три месяца.

Это не помешало нашей дворовой фее дожить до глубокой старости, отработав дворником сорок с лишним лет, вывести всех своих «Каримок и Фатимок» в люди и даже пережить переселение в новую квартиру, от которой Гульсары долго отказывалась. Не хотела расставаться со своей каморкой и со своим двором.

Впрочем, обо всем этом я знала уже понаслышке, потому что из города моего детства мы уехали на новое место службы моего отца, но наш дворник Гульсары – одно из самых сильных впечатлений моего детства.

Я ее вспоминала каждый день, когда сама в студенческие годы получила в полное свое владение дворничью метлу, лопату, лом, тележку для песка и... Всеволожский проспект от Горкома партии до станции. И в придачу снег, лист, гололед, три остановки, которые, по мнению нашего техника, всегда должны быть в идеальном порядке, и она лично проверяла работу дворников. Будете смеяться, но в дворники я попала по большому благу, на целых два участка, да и то потому, что мне не требовалось жилье...

Мне очень пригодились уроки Гульсары, чисто технические: как правильно сколоть лед, не тратя понапрасну силы, как экономно разбросать песок на лед, как делать насечки на этом льду, чтобы люди не ломали конечности. Не скажу, что это было самое лучшее время в моей жизни, но оно многое мне дало, и часто память возвращает меня на 50 лет назад: вот, на одной стороне Всеволожского проспекта стоит коляска с сыном, он там спокойно спит на свежем воздухе, а на другой стороне – я, как положено дворнику, с метлой. Мусора, справедливости ради надо сказать, было неизмеримо меньше, не было этих полиэтиленовых пакетов, этих пластмассовых фуфурей из-под пепси, стеклянными бутылками никто не разбрасывался и машины не часто нарушали тишину этого природного рая под названием «Всеволожск». Еще не город, но уже и не деревня... Где ты, тот чистый, тихий, сосновый и деревянный Всеволожск?..

Время неумолимо. Вот оно совершает прыжок, отматывает 50 лет, как один миг. И в один прекрасный день, совершая невероятный кульбит, я сажусь на классический шпагат на привокзальной площади Всеволожска, прямо у аптеки «Невис», куда пришла за лекарством от своей гипертонии.

Впрочем, упасть я могла в каком угодно месте – у «Пятерочки» и у «Белых ночей», на любой остановке, на Ленинградской и на Межевой, пробираясь меж бугристых, чуть утоптаных нашими ногами сугробов, к поликлинике. А эти колдобины и рытвины, этот предательский лед, таящийся до весны под растоптан-

ной жижей снега? И где ты, безопасная твердь асфальта? Ты так глубоко и далеко, что остается только мечтать о тебе. О, горсть песка на предательском льду! Сравнить тебя можно лишь с ковшом воды в пустыне. Идешь, балансируешь, как профессиональный циркач, выделяешь кульбиты и молишь: «Найдись, найдись, добрый человек, швырни горсть песка, лопату шлака на этот дьявольский раскат». Увы, не нашлось... О, где ты, милосердная наша Гуля, где ты, дюжий Григорий?

Увы мне... шпагат, как говорится, полный. Даже помыслить страшно, как может для меня закончиться это шоу, тем более, что в прошлом году я уже проскакала два месяца на трех ногах, растянув на таком же льду лодыжку... Мимо идут, но не проходят мимо, два молодых, здоровых парня. Тяну к ним руки: «Сынки! Помогите!». Ржут как кони: «Ни фига у тебя, тетка, растяжка, прям как у Волочковой!» И опять ржут. Обидевшись, кричу им «прям как Волочкова: «Поцелуй меня в пачку!» Понимаю, что картина достойна кисти великого живописца: при моем возрасте, комплекции, пускаться в такие танцы на льду – конечно, это смешно! Со стороны. «Но не по своей же воле, ребята! А в связи с таким природным явлением, как зима, и с таким социальным явлением, как отсутствие дворников и ответственности властей!» Отсмеявшись, ребята тянут руки ко мне. Помочь. Все же добрый у нас народ, и молодежь хорошая, отзывчивая. И тут, не удержавшись на ногах, цепляясь друг за друга, оба в полный рост растягиваются рядом со мной. Плашмя, без изысков. «О, ля! О, ля-ля!» – орут оба в полный голос, и другие слова орут в мой адрес: «Все из-за тебя, тётка! Села тут, на шпагат, понимаешь!..»

Рано или поздно, но все заканчивается. Нас поднимают, отряхивают, ставят на ноги, и мы с парнями разбредаемся в разные стороны, проклиная на ходу и зиму, и власти, и дворников, которых нет.

Мы идем: я, приволакивая растянутую по новой ногу, один парень идет, как Елена Воробей, изображающая уточку, – видимо, он ушиб ту часть тела, которая у нас называется копчиком, а другой, поддерживая его, предлагает: «Пойдем, выпьем, и все как рукой снимет». Да, одно у нас от всех болезней и социальных катаклизмов лекарство – водка.

Грустно размышляя о том, что на улице – век НТР, то бишь научно-технической революции, нанотехнологий и всяких там новомодных систем, и тем не менее сосульки, снег и гололед как были, так и остались главными врагами человека.

Хотя я не припомню, чтобы в моем детстве сосульки убивали детей. Может быть, не было такой информации? Да нет, детей не убивало потому, что на страже их здоровья и жизни стояли и такие люди, как Гуля, наша Гульсары. Так что, если власти опять мне скажут, что таких зим и таких снеговиков не было, я им не поверю. Потому что я давно живу на этом белом свете и знаю, почему фунт лиха и почему лопата песка, вовремя брошенная на скользкую дорожку. Она спасет кому-то не только конечности от переломов, но и жизнь. Главное – чтобы нашими жизнями дорожили, чтобы они чего-то стоили в глазах властей. Жилищно-коммунальных или каких-то других.

А ты как думаешь, дорогой читатель? Дело в дворнике, в «плохой зиме» или в чем-то другом? А вообще-то, «крепитесь, люди! Скоро лето»...

Ваш повседневный наблюдатель
Герда Ивановна